

Злоключение Вишки

Артём Никифоров

Вселенная Артёма

Артём Никифоров
Злоключение Вишки

«Автор»

2026

Никифоров А.

Злоключение Вишки / А. Никифоров — «Автор»,
2026 — (Вселенная Артёма)

«Злоключение Вишки» — история о том, как самые несовершенные герои бросают вызов самим основам зла. Кошкодемонесса Вишка, её друг — трусливое облако Флай, юная демонесса Гека и робот-логик Терми отправляются в самое сердце Ада. Их цель — не битва, а суд. Они намерены предъявить иск самому воплощению Зависти, Велифакору, и потребовать назад украденную память Вишки. Чтобы победить, им предстоит пройти через семь испытаний, каждое из которых олицетворяет смертный грех. Их оружие — не магия и мечи, а дружба, принятие и упрямая надежда. Это путь не к силе, а к себе — через страх, сомнения и понимание, что твоя главная ценность не в идеальности, а в том, чтобы быть собой. Книга о спасении друга, о кривых заплатках на свитере и о том, что иногда самый смелый поступок — просто не сдаться.

© Никифоров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие от автора	5
Предисловие	6
Глава 1. Вишка	7
Глава 2. Семь смертных грехов	12
Глава 3. Комнаты Маммона-Хая и Катарсиса-Нуля	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Злоключение Вишки

Предисловие от автора

Дорогой друг,

Давай начистоту: я всегда любил несовершенных героев. Тех, кто не знает, что делать. Кто боится. Кто ошибается. Кто носит свитер с дыркой и не может собрать свои мысли в кучу так же, как не может собрать свои левитирующие руки.

Именно поэтому я написал эту книгу.

Пока Алостор разбирался с вселенскими угрозами, я смотрел на тех, кто оставался в тени. На Вишку, которая устала притворяться бесстрашной. На Флая, который больше похож на комок нервов, чем на героя. На Геку, которая ищет свой путь вне тени брата. Даже на Терми – того ещё логика с тихими вопросами о чувствах.

Их история – не о том, как изменить мир. Она о том, как изменить себя. Как найти смелость в своих слабостях. Как понять, что твоя ценность – не в силе, а в том, какой ты есть.

Я писал эту книгу, когда хотелось выдохнуть. Без громких слов, без претензий. Просто чтобы рассказать, как иногда важно – быть рядом.

Так что давай вместе пройдем этот путь. Не как автор и читатель, а как два приятеля, которые знают: иногда самое важное – просто быть рядом. Даже если твой друг – демонесса, облако или робот.

Предисловие

Присаживайтесь. Прикройте дверь. Адский сквозняк ещё никому не шёл на пользу, особенно когда речь заходит о... домашних историях.

Вы, конечно, помните Алостора. Демона Смерти. Того, чьё одно имя заставляет пустотных повелителей терять душу (если она у них была). Вы видели его в моменты величия, безумия и странного, такого человеческого отчаяния.

Но сегодня – не о нём.

Сегодня я предлагаю вам посмотреть немного левее. Туда, где тень от его крыльев ложится на тех, кто живёт в этой тени. Не в обиду им сказано – просто факт. Когда в комнате стоит гигант, остальные кажутся меньше. Но это лишь кажется.

Позвольте представить вам компанию. Вернее, они сами себя уже давно представили, просто вы, возможно, не расслышали.

Вишка. Кошкодемонесса с огненным характером и парой тайн, которые она прячет даже от себя. Та самая, что способна и царапнуть, и приласкаться, и потребовать справедливости громче любого оверлорда.

Флай. Облачко в свитере. Да, именно так. Существо, чья храбрость измеряется не кулаками, а умением оставаться рядом, когда страшно. Чьи части тела живут своей жизнью, а сердце – своей, отдельной, очень нежной и очень упрямой.

Гека. Младшая сестра. Та, чьё имя всегда звучит вторым, после «Алостор». Но у которой хватит ума, магии и скрытой ярости, чтобы доказать – она не приложение к легенде. Она – отдельная история.

И Терми. Робот. Голос разума в хаосе чувств. Тот, кто верит в логику, но потихоньку начинает сомневаться, не является ли самая главная логика – иррациональной.

Их история началась не с битвы за миры. Она началась с кошмара. С тихого, липкого, повторяющегося каждую ночь ужаса, который не развеять ни магией, ни угрозами. С вопроса «почему я?» и поиска ответа, который оказался куда страшнее, чем сам кошмар.

Это история не о спасении вселенных. Это история о спасении друг друга. О том, как найти врага, который прячется в прошлом. О том, как полюбить того, кто боится собственной тени. О том, как стать семьёй, когда кровных уз – ноль, а общих ран – больше, чем звёзд на адском небе.

Так что пристегнитесь. Вернее, пригнитесь. Потому что иногда самые опасные приключения происходят не на полях сражений, а в тишине собственной головы. А головы, как выяснилось, бывают очень разными. И даже – парящими.

Надеюсь, вам у нас понравится. В этом маленьком, большом, тихом, громком, абсолютно безумном и таком настоящем аду.

Глава 1. Вишка

Иногда одно слово может весить больше, чем вся адская бездна. Одна буква – стать капканом. Именно такой капкан, невесомый и беззвучный, щёлкнул в библиотеке Алостора через два дня после того, как Демон Смерти, сам того не ведая, выронил роковой инициал. «V». Для него – случайный клиент. Для Вишки – ключ от двери, которую она надеялась заколотить навсегда.

Дверь захлопнулась за Алостором не просто со щелчком. Со вздохом. Длинным, усталым, будто сама комната выдохнула после его ухода. Он унёс с собой свой гнев, своё раздражение, свою спешку – и оставил только букву. Букву, которая теперь висела в воздухе между стеллажами, как ядовитая роса.

V.

Вишка не двигалась. Она стояла, вжавшись спиной в холодные корешки фолиантов, и смотрела в ту точку, где только что был он. Её лапы медленно разжимались, выпуская из плена книгу. Та упала на камень, но звука не было. Вернее, был – глухой, приглушённый, будто падало что-то уже мёртвое.

Он сказал «V». Сказал так, будто выдыхал дым после затяжки. Без имени. Без лица. Без прошлого.

У Вишки же от этого звука сжалось всё внутри. Не страх. Не ярость. Хуже – узнавание. Горькое, кислое, как рвота после долгого забвения. Это имя – вернее, его тень, его отголосок – она носила в себе годами. И теперь оно вырвалось наружу, обожгло, как оголённый провод.

– Вишка?

Голос Флая прозвучал не с порога, а откуда-то сбоку – он уже был в комнате, замерший у высокого стеллажа с трактатами по некромантии. Его фиолетовый свитер с перевернутым сердцем казался в этом полумраке синяком на теле библиотеки. Руки, как всегда, жили своей жизнью – одна теребила край полки, другая нервно крутила пуговицу.

Она повернула к нему голову. Медленно, будто шея была из ржавого металла.

– Он не знает, – прошептала она. Голос был хриплым, чужим. – Он даже не догадывается, кому продал мой сон.

Флай поплыл ближе, осторожно, как к раненому зверю. За ним, словно преданный спутник, парила кружка – пар уже не шёл, чай остыл.

– Кто... кто это? Этот «V»?

Вишка закрыла глаза. За веками всплыл не образ – ощущение. Холод, идущий изнутри. Шёпот, который звучал как ласка и как угроза одновременно. Зелёный свет, пробивающийся сквозь веки – ядовитый, красивый, ненасытный.

Она открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент в дверном проёме библиотеки возникла тень – не от света, а от самого воздуха, будто пространство на мгновение сжалось. Из тени, будто её вырезали оттуда ножницами, шагнула Гека. Без предупреждения, без «привет». Просто возникла – и всё.

Младшая сестра Алостора стояла, скрестив руки на груди, и её взгляд – острый, изучающий, без тени сонливости – скользнул по Вишке, по Флаю, по упавшей книге.

– «V», – произнесла она негромко, и слово прозвучало как диагноз. – Велифакор. Третий Смертный Грех. Зависть. – Она сделала шаг вперёд, и в руке у неё мелькнул небольшой чёрный кристалл, внутри которого пульсировал тусклый зелёный свет. – Я почувствовала резонанс. Брат только что выдохнул это имя, и волна пошла по всему дому. Ты в порядке, Виш?

Флай вздрогнул и едва не рассыпался от неожиданности.

– Г-Гека? Ты откуда...?

– Я всегда рядом, когда пахнет тайнами, – отрезала она, не отрывая взгляда от Вишки. – Особенно тайнами, которые мой брат предпочитает замалчивать. Так что? Он правда продал твой кошмар ему?

Вишка кивнула, не в силах вымолвить слово. Гека подошла ближе, поставила кристалл на ближайший стол. Свет внутри забился чаще, вырисовывая смутные очертания – высокий силуэт с неестественно вытянутой шеей, множеством глаз...

– Расскажи им, – тихо сказала Гека Вишке. – Или я расскажу за тебя. Но лучше, чтобы это исходило от тебя.

Вишка сглотнула. Посмотрела на Флая, на его круглые, испуганные глаза. На Геку, которая ждала. На Терми, возникшего в дверях как молчаливый свидетель.

– Его зовут Велифакор, – начала она, и голос её звучал чужим, плоским. – Третий Смертный Грех. Воплощение Зависти. Смотрящий Сквозь Стену. И... мой бывший.

– Представь себе существо, – голос Вишки стал монотонным, будто она читала заклятие или приговор. – Тощее, долговязое, с кожей, как мутное стекло. Сквозь неё видны органы – тёмно-зелёные, пульсирующие, как гнилые плоды. Шея вытягивается, как у журавля. А на лице... на лице слишком много глаз. Всех размеров. Все смотрят в разные стороны и не моргают никогда.

Флай медленно опустился на пол, его облачная форма дрогнула. Гека лишь прищурилась, следя за отражением в кристалле, которое теперь чётко повторяло описанный образ.

– Он носит плащ, – продолжила Вишка, не отрывая взгляда от пустоты перед собой. – Потрёпанный, выцветший, зелёный, как болотная тина. Если прислушаться, можно услышать шёпот – он соткан из чужих сплетен и обрывков частных разговоров. Под плащом – рубаша, расшитая глазами. На пальцах – перстни с кривыми зеркальцами, в которых всё отражается уродливо. Он любит в них смотреть. Любит видеть мир искажённым.

– И его характер... – прошептала Гека, скорее утверждая, чем спрашивая.

– Истеричный. Язвительный. Вечный сплетник. Его настроение падает, когда у кого-то что-то получается. Он мастер токсичного сравнения. Шепчет за спиной. Передразнивает. Копирует манеры, но всегда с издевкой. – Вишка сжала кулаки, и её когти заскрежетали. — Его любимая фраза: «А вот у "кого-то там" получилось лучше... тебе не кажется?»

Тишина, повисшая после её слов, была нарушена лёгким, но чётким жужжанием сервоприводов. Из тени за самым высоким стеллажом плавно выплыл Терми. Его металлический корпус отражал тусклый свет кристалла, а оптический сенсор, мягко мигая голубым, был направлен на Вишку.

– Запрос на уточнение, – прозвучал его ровный, лишённый эмоций голос. – Вы описываете сущность «Велифакор», также известную как Третий Смертный Грех «Зависть». В моей базе данных содержится 347 записей о его деятельности. Наиболее частый паттерн: психологическая дестабилизация через сравнение и внушение неполноценности.

Все взгляды устремились на робота. Он подплыл ближе, его сенсор скользнул по кристаллу в руке Геки, где пульсировало зелёное отражение.

– Анализ соответствия описанию: 98%. Сущность соответствует архетипу «Зависть» в демонических хрониках. Дополнительная характеристика: питается социальной тревогой и неуверенностью жертв. Опасность: психологическая эрозия. Рекомендация: избегать прямого контакта. – Терми повернул «голову» к Вишке. – Однако, судя по вашему эмоциональному состоянию и наличию кошмаров, контакт уже установлен. Превентивные меры более не актуальны. Требуется стратегия противодействия.

– Спасибо за диагноз, доктор, – сухо сказала Гека, но в её тоне не было злости. – Как раз об этом и думаем.

Терми издал короткий системный звук.

– Предлагаю рассмотреть вариант ментального карантина. Если сущность атакует через сны, логично укрепить периметр восприятия. У меня есть чертежи устройства для фильтрации навязчивых мыслей. Для сборки потребуются: кристаллический резонатор, два метра сплава адамантина и... эмоционально стабильный оператор.

Флай робко поднял одну из своих парящих рук.

– Я... я могу быть эмоционально стабильным! Ну, или попробовать...

– Ваши показатели эмоциональной лабильности за последний час составляют 87%, – вежливо парировал Терми. – Вы не подходите. Вишка – тоже, как объект атаки. Гека... – он на секунду замолчал, проанализировав. – Гека подходит. Уровень эмоциональной стабильности: 41%. Это низко, но выше среднего по адским меркам.

– О, я польщена, – буркнула Гека, но уголки её губ дрогнули.

– Именно, – кивнула Вишка, чувствуя, как в груди тает ледяной ком. – Его яд работает, только если ты его слушаешь. Если веришь его шёпотам. Если смотришь в его кривые зеркала. – Она выпрямилась. – Мы сделаем так, чтобы его слова стали просто шумом. Пустым звуком.

– Но как? – спросил Флай, его парящие руки снова начали нервно дёргаться. – Мы же не можем воткнуть ему пробки в уши... в эти... большие уши-воронки.

– Потому что мы не будем действовать на него, – сказала Гека, проводя пальцем по поверхности кристалла, заставляя изображение Велифакора поблёскивать зловеще. – Мы будем действовать на Вишку. Нет, даже лучше. Мы пойдём к нему. Но не просто к нему одному. Мы пойдём в дом всех Семи.

Флай замер. Даже Терми на секунду завис в воздухе.

– Всех... Семи? – прошептал Флай. – Ты... ты хочешь, чтобы нас съели сразу семью разными способами?

– Я хочу, чтобы нас выслушали, – поправила Гека. – Если мы придём только к Зависти, он может просто закрыть дверь. Или сделать вид, что нас нет. Но если мы придём к всем – это уже официальный визит. Это вызов. Это заявление, которое нельзя игнорировать. У них есть протоколы, законы, целая система судебных разбирательств между собой. Мы просто... вклинимся в неё.

– Вероятность того, что Смертные Грехи станут разбирать иск мелкой демонессы: 0.03%, – сообщил Терми. – Но если представить дело как нарушение межкланового договора о невмешательстве в дела нейтральных сторон шантажом и психологическими пытками – шансы возрастают до 4.7%.

– Четыре целых семь! – Флай чуть не рассыпался. – Это же почти пять! Это... это же ничего!

– Это больше, чем ноль, – тихо сказала Вишка. Все посмотрели на неё. – И это больше, чем сидеть и ждать, пока он не выпьет из меня всё, что осталось. – Она выпрямилась, её хвост дёрнулся. – У меня есть заонный иск. Он взял у меня память. Самую яркую. Заложил её. Я хочу её назад. И я пойду требовать её не в его берлогу, а в их зал суда. Пусть они все услышат.

Гека смотрела на неё с нескрываемым уважением.

– Ты осознаёшь, на что идёшь? Там будет не только Зависть. Там будет Гордыня, которая сочтёт тебя пылью. Гнев, который захочет разорвать тебя за дерзость. Жадность, которая попытается всё конфисковать. Похоть, которая захочет поиграть с твоей болью. Чревоугодие, которое... ну, оно просто будет есть. И Уныние, которое заставит тебя усомниться в смысле всего этого ещё до того, как ты откроешь рот.

– Я знаю, – сказала Вишка. – Но если мы не пойдём – я сойду с ума. А если мы пойдём и проиграем... – она посмотрела на Флая, на Терми, на Геку, – ...то по крайней мере, мы проиграем вместе. И будем знать, что попробовали.

Флай медленно сгустился. Его облачная форма стала плотной, матовой.

– Тогда я иду с тобой, – сказал он. – Если они попробуют тебя тронуть... я... я буду светить им в глаза! Или... или дуть! Сильно!

– Я составлю полный юридический кодекс Чертогов Семи и подготовлю защитные аргументы, – сказал Терми. – А также проанализирую вероятные линии поведения каждого Греха на основе их паттернов.

– А я, – ухмыльнулась Гека, – найду способ сделать наше появление максимально... театральным. Если уж идти на смерть, то так, чтобы о нас помнили.

Она хлопнула в ладоши.

– План прост: мы пробиваемся к Чертогам Семи – они находятся в самом сердце Ада, в Бездне Первоначальных Импульсов. Терми находит лазейку в их охране. Мы врываемся на официальное собрание (а они собираются каждое полнолуние), предъявляем иск и требуем справедливости. Флай, пока мы будем отвлекать внимание, попробует пробраться в личные архивы Зависти – найти любую информацию о том, где он хранит ту самую «хрустальную слезу». Доказательство – наш главный козырь.

– А если нас схватят? – спросил Флай.

– Тогда, – Гека усмехнулась, – мы предстанем перед судом всех Семи. И это будет либо самый эпичный провал в истории, либо... самый невероятный блеф. В любом случае, об этом будут говорить века.

Вишка вздохнула. Воздух в библиотеке казался густым от решимости и безумия, которое они только что приняли.

– Через час, – сказала она. – У задних ворот. Мы идём в дом всех Семи Смертных Грехов. И либо вернёмся с победой, либо... станем легендой о тех, кто осмелился.

Она посмотрела на своих друзей. На Флая, который пытался придать своей облачной форме «боевой» вид. На Терми, чьи сенсоры уже мигали, анализируя маршрут. На Геку, в чьих глазах горел азарт первооткрывателя, идущего на верную гибель.

Они были безумцами. Идиотами. Самоубийцами.

Но они были её безумцами. И ради этого стоило идти хоть в самое пекло, хоть на суд самих основ мироздания.

– Гека, – хрипло выдохнул Флай, его облачная форма заколебалась, как на ветру. – Ты вообще понимаешь, куда нас ведёшь? Бездну Первоначальных Импульсов? Это же... это же не просто место! Там даже реальность ведёт себя странно!

– Именно поэтому они там и живут, – парировала Гека, не отрываясь от своего кристалла, где теперь плавали семь разных символов, слабо светящихся в темноте библиотеки. – И именно поэтому у них там есть правила. Самые древние, самые жёсткие. Они не могут просто так растоптать того, кто пришёл по закону. Даже если этот «кто-то» – кошкодемонесса с плюшевым облаком и роботом-бухгалтером.

– Я не бухгалтер, – поправил Терми. – Я логистический и аналитический модуль. Но я действительно могу составить финансовый отчёт о потенциальных убытках от нашего вторжения, если это необходимо.

– Пока не нужно, – сказала Вишка, глядя на карту, которую Гека начертила прямо в воздухе светящимся пальцем. Это был лабиринт из линий, символов и опасных зон. – Нам нужно попасть сюда, – она ткнула когтем в центр, где пересекались семь лучей. – В Зал Семиарча. Там они собираются.

– И они собираются как раз сегодня, – добавила Гека. – Полнолуние адское. Все семь будут на месте. Идеальный момент для... представления.

– Момент для того, чтобы нас растерзали на семь частей и каждая часть досталась разному Греху, – пробормотал Флай, но уже без прежнего ужаса. В его голосе звучала скорее усталая констатация факта.

– Тогда я попрошу себе Уныние, – сказала Гека с мрачной усмешкой. – С ним хоть поспокойнее. А тебе, Флай, достанется Гнев – чтобы ты наконец научился давать сдачи.

Флай побледнел и стал почти невидимым.

– Я не хочу никому давать сдачи! Я хочу, чтобы все были живы и здоровы и пили чай!

– Чай будет после, – пообещала Вишка, и в её голосе прозвучала твёрдость, которой не было ещё час назад. – После того, как мы вернёмся.

Она посмотрела на каждого из них по очереди.

– У нас есть причина. У нас есть право. И у нас есть друг друга. Это больше, чем было у многих, кто бросал им вызов. Мы можем это сделать.

Они молча кивнули. Даже Флай. Даже Терми издал короткий утвердительный звук.

Гека погасила карту.

– Тогда по местам. Через час у врат. Берите только самое необходимое: смелость, наглость и... ах да, Терми, захвати мой переносной дипломатический щит. Мало ли.

– Он весит двести килограммов, – заметил Терми.

– Ты же сильный, – беззастенчиво сказала Гека и вышла, растворившись в тени так же внезапно, как и появилась.

Терми поплыл за ней, тихо жужжа. Флай задержался, глядя на Вишку.

– Ты... ты точно уверена? – спросил он тихо. – Мы можем ещё передумать. Попробовать что-то другое...

– Другого ничего нет, – честно ответила Вишка. – Или я иду к нему сама, или жду, пока он окончательно не сломает меня. Но я не хочу идти одна. И... я рада, что вы со мной.

Флай улыбнулся – странной, дрожащей, но искренней улыбкой.

– Я всегда с тобой, – прошептал он и уплыл, оставив Вишку одну в тишине библиотеки.

Она стояла, глядя на то место, где упала книга. Потом наклонилась, подняла её, бережно стряхнула пыль и поставила на полку. Не на своё место – но это было неважно. Важно было то, что она сделала это. Простое, маленькое действие в мире, который готовился перевернуться.

Она повернулась и пошла к двери. Её шаги отдавались эхом в пустых коридорах. Запах серы, привычный и уютный, смешивался с новым запахом – запахом неизвестности, риска и... странного, щемящего предвкушения.

Они шли на суд. На суд самих основ зла. И они шли не как рабы, не как жертвы. Они шли как истцы. Со своей правдой. Со своей болью. Со своей маленькой, безумной надеждой.

А что будет дальше... Что ж, об этом узнают те, кто решится слушать историю о кошко-демонессе, облаке, сестре демона и роботе, которые однажды пошли в ад самого ада – и потребовали у него вернуть украденный кусок счастья.

Глава 2. Семь смертных грехов

Воздух в Бездне Первоначальных Импульсов не дышал. Он висел – густой, тяжёлый, насыщенный запахами, которые не принадлежали ни одному из известных миров. Здесь пахло прахом распавшихся желаний, озоном от разрядов чистой воли и чем-то древним, кислым – страхом, который был старше самой смерти.

Чертоги Семи возвышались не как здание, а как навязчивая идея, принявшая форму. Это были не стены и не башни, а семь взаимопроникающих реальностей, каждая окрашенная в свой цвет и подчиняющаяся своему закону. Они сплетались в единый, пульсирующий кокон в самом сердце Бездны, и приближаться к нему было всё равно что пытаться смотреть на семь солнц одновременно.

– Периметр охраняют не стражники, – тихим, ровным голосом доложил Терми, его сенсоры мигали в такт сканированию. – Периметр охраняет сама концепция. Пространство изогнуто так, чтобы любое приближение без приглашения вызывало диссонанс. Вероятность физического проникновения: 0.8%.

– А нефизического? – спросила Гека, её пальцы уже чертили в воздухе сложные руны, которые тут же гасли, не в силах зацепиться за здешнюю реальность.

– Путь существует только для тех, кто следует определённым паттернам мышления. Анализ... Анализ показывает, что для входа нужно добровольно принять в себя один из семи импульсов. Стать его носителем на время прохода.

– То есть нам нужно... согрешить? – Флай сжался в комок. – Я... я не умею! Я даже воровать яблоки в саду Алостора боялся!

– Не обязательно совершать действие, – поправил Терми. – Достаточно искренне, на мгновение, погрузиться в соответствующее состояние. Гордыня, Жадность, Зависть, Гнев, Похоть, Чревоугодие, Уныние. Один из семи ключей. Он откроет путь в соответствующий сегмент.

Все молча посмотрели на Вишку. Она стояла, сжав кулаки, и смотрела на ядовито-зелёный луч, который бил из центра Чертогов. Цвет Велифакора.

– Зависть, – прошептала она. – Я знаю этот путь. Я ходила по нему во сне слишком часто.

– Это опасно, – сказал Терми. – Если состояние затянется, вы можете стать проводником для самой сущности Греха.

– Тогда не дадим ему затянуться, – резко сказала Гека. – Мы все войдём через один ключ. Через её зависть. Но мы не будем просто переживать её. Мы... разделим её. Как яд. Небольшая доза каждого.

– Это безумие, – простонал Флай.

– Это план, – парировала Гека. – Вишка, сосредоточься на нём. На Велифакоре. На том, что он забрал. На чувстве, что что-то твоё, самое важное, теперь принадлежит ему, и он радуется этому. Позволь этому чувству наполнить тебя.

Вишка закрыла глаза. Перед ней всплыл образ: кривые зеркала в перстнях, отражающие её искажённое лицо. Шёпот: «Твоя самая яркая память... мне она нравится больше, чем тебе. Я храню её лучше». Горький, кислотный привкус зависти поднялся у неё в горле. Не к кому-то другому. К нему. К тому, кто владел частицей её самой.

– Сейчас! – скомандовала Гека.

Вишка выдохнула. И из неё, словно зелёный туман, потянулась нить того самого чувства. Гека схватила её рукой, обернула вокруг своего запястья – и её лицо на мгновение исказила гримаса болезненного признания: «У Алостора есть сила, которой у меня никогда не будет». Флай, дрожа, коснулся тумана кончиком своей облачной руки – и в нём вспыхнула крошечная, жалкая искорка: «Как бы я хотел быть храбрым, как Вишка...». Даже Терми направил в туман

сенсор, и его голубой свет на секунду дрогнул, окрасившись зелёным: «Логика... иногда так неэффективна по сравнению с интуицией других».

Это сработало. Пространство перед ними дрогнуло. Камень под ногами стал скользким, как болотная тина, и зазеленел. Появилась тропа – узкая, шаткая, словно сотканная из сплетен и косых взглядов. Она вела прямо в сердце зелёного луча.

– Идём, – хрипло сказала Вишка, первая ступив на тропу.

Их втянуло внутрь.

Переход был не из приятных. Казалось, что сквозь кожу пролезают тысячи мелких, цепких глаз, а в ушах звучат обрывки чужих разговоров, полные едких замечаний. «Посмотри на них, идут куда-то... наверное, думают, что они важные», – прошептал кто-то прямо над ухом Флая. Тот вздрогнул и едва не рассыпался.

И вот они оказались внутри.

Это был не зал в привычном понимании. Это было место, где внутренний мир семи сущностей проецировался вовне, создавая калейдоскоп из семи взаимопроникающих реальностей.

Пол под ногами был мозаикой из потускневшего золота (Гордыня), но местами его покрывали липкие пятна индиго (Жадность) и алые, как раны, трещины (Гнев). Воздух был тяжёл фиолетовым томлением (Похоть), сладковато-гнилостным запахом (Чревоугодие) и пыльной, холодной апатией (Уныние). А над всем этим висел вездесущий, ядовито-зелёный налёт (Зависть).

В центре этого пространства, на семи возвышениях, каждое из которых соответствовало своему цвету и фактуре, находились Они.

Эрексияэль, Гордыня, сидел на троне из сломанных правил и недостроенных башен. В его пустых глазницах мерцали звёзды – холодные, равнодушные, смотрящие сквозь всё сразу. Его присутствие давило тишиной абсолютного превосходства.

Маммон-Хай не сидел – он суеился даже в покое. Его пальцы перебирали монеты так быстро, что они сливались в золотой ручей. – Активы! Убытки! Риски! Говорите быстрее!

Велифакор, Смотрящий Сквозь Стену (Зависть) уже смотрел на них. Все его многочисленные глаза на лице и одежде уставились на Вишку. Один уголок его рта дёрнулся в подобии улыбки. Он что-то тихо прошептал соседу – Катарсису-Нулю, Разрушившему Часы (Гнев), чьи кулаки уже дымились, а угольки-глаза разгорались алым.

Лиля-Геш, Та, Что Плетёт Шёлк Паутины (Похоть) полулежала на волнах фиолетового тумана. Её бездонные глаза скользнули по каждому из них, и на миг Вишка почувствовала острое, стыдливое желание быть сильнее, Флай – желание быть твёрже, а Терми... у него на секунду завис процессор, проанализировав алгоритм достижения «совершенства формы».

Бел-Фагор, Прорва Бездны (Чревоугодие) что-то жевал, не обращая внимания. Его маленькие глазки блестели тоской. Астарейя, Отвергнувшая Звезду (Уныние) просто сидела, завернувшись в саван, её взгляд был устремлён в пол. Казалось, их появление было для неё ещё одной бессмысленной каплей в море бессмысленного.

Тишину нарушил не голос, а звук – сухой, костяной щелчок. Это Эрексияэль медленно, будто скрипя на петлях мироздания, повернул голову. Звёзды в его глазницах сместились, и его мысленный голос, холодный и безразличный, прозвучал в сознании у всех:

– Маленькие трещины в реальности. Вы пришли с шумом. Зачем?

Прежде чем Вишка успела ответить, Велифакор зашипел, его многочисленные глаза забегали:

– Она пришла за своей «игрушкой», Эрексияэль! Вообразила, что имеет право требовать что-то обратно! Смотри, как надулась! И привела с собой... – он язвительно оглядел компанию, – ...свету. Облако страха, девочку в тени и железную безделушку.

Катарсис-Нуль хрипло зарычал, и от его рыка задрожал пол под ногами Флая.

– ШУМЯТ! МЕШАЮТ! ПУСТЬ ЗАМОЛЧАТ!

– О, не торопись, Катарсис, – томно протянула Лила-Геш, и её голос, подобный шёпоту шёлка, на мгновение обволакивая ярость Гнева. – Разве не любопытно? Они такие... разные. И всё же вместе. Что их держит? Страх? Жалость?... Или нечто... большее?

Маммон-Хай щёлкнул когтями, загремели монеты.

– Время – ресурс! Говорите суть! Иск? Ущерб? Оценка? – его глазки бегали, высчитывая. – Быстрее! Ликвидация неопределённости!

Вишка сделала шаг вперёд, преодолевая давящее молчание Эрексияля и ядовитый взгляд Велифакора.

– Я пришла требовать справедливости! – её голос прозвучал громче, чем она ожидала. – Велифакор украл мою память! Он вторгся в мои сны и заложил «Хрустальную Слезу»! Я требую её возврата по Древнему Пакту!

– Пакт? – мысленный голос Эрексияля был полон холодного презрения. – Договор между равными. Ты предлагаешь нам признать тебя... равной? Смешная претензия.

– Она не просит равенства! – выпалила Гека, её глаза горели. – Она требует соблюдения правил, которые вы установили! Игнорирование иска создаёт прецедент! А прецедент, – она бросила взгляд на Маммона-Хая, – это нестабильность! А нестабильность – это убытки!

Маммон-Хай зашевелился, его пальцы задвигались, будто на счётах.

– Хм... Точка... Точка имеет вес. Судебный процесс... Издержки... Риск нарушения баланса между нами... – он что-то быстро бормотал. – Рассмотрение... возможно экономически оправдано.

– РАССМОТРЕНИЕ?! – взревел Катарсис-Нуль, и пламя в его глазах вспыхнуло. – ЭТО ПРЯМОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ! ИХ НУЖНО РАЗДАВИТЬ СЕЙЧАС ЖЕ!

Велифакор, видя, что мнения разделились, зашептал, обращаясь то к Эрексиялю, то к Лиле-Геш:

– Послушайте его, Катарсис прав! Они играют на наших же правилах, но у них нет права играть! Они лишь хотят, чтобы мы их заметили. Придали им значение. Разве Эрексияль должен опускаться до этого? Разве Лила-Геш найдёт в этом что-то, достойное своего внимания? Это жалкая попытка!

Лила-Геш задумчиво провела пальцем по своему фиолетовому туману.

– Жалкая... или отчаянная? Отчаяние бывает таким... вкусным. Оно обнажает суть. – Её взгляд упал на Флая, который дрожал, но не отступал. – Посмотри на облачко. Оно боится. Но стоит на месте. Почему?

– М-м-м, – промычал Бел-Фагор, с тоской глядя на группу. – Напряжённые... нервы. Плохо для пищеварения. Можно было бы... заесть проблему. У меня есть пирожные из застывшей ностальгии... Очень... калорийно. Забудешь обо всём.

Астарейя даже не пошевелилась. Просто до всех, как холодный сквозняк, донёсся её беззвучный, но чёткий вопрос: «Зачем?.. Всё бессмысленно...»

Казалось, они зашли в тупик. Логика, угрозы, апелляции – всё разбивалось о скалы семи разных, всепоглощающих реальностей. Вишка почувствовала отчаяние. Они вот-вот проиграют, даже не начав.

И тут заговорил Флай. Его голос был тихим, дрожащим, но в нём не было и тени того шёпота, что нашептывала Зависть.

– Мы... мы не хотим равняться с вами, – сказал он, глядя на Эрексияля. – Мы просто... хотим, чтобы наш друг перестал страдать. Это всё. Мы пришли не из гордыни. Мы пришли из... – он искал слово, – ...из заботы.

Слова «забота» словно повисли в воздухе, чужеродные и непонятные в этом месте.

Эрексияль замер. Маммон-Хай перестал щёлкать когтями. Даже Катарсис-Нуль на секунду притушил пламя в глазах, озадаченный.

Именно в эту хрупкую паузу вступил Терми. Его механический голос прозвучал с бесстрастной ясностью:

– Запрос на коллективное решение. Предлагаю форму испытания. Если наша связь, наша «забота», как определяет Флай, – это наша сила, то испытайте её. Испытайте нас как группу. Если мы устоим – Велифакор возвращает память и даёт клятву неприкосновенности. Если нет – наши сущности распределяются между вами согласно протоколу. Это эффективно, ликвидно и разрешит неопределённость.

Предложение повисло в воздухе. Семь пар глаз (или их подобий) уставились на них.

Наконец, Эрексияэль заговорил, и на этот раз его голос звучал не только в разуме, но и в самой реальности, заставляя вибрировать пространство:

– ...Логично. Ваша наглость – признак либо глупости, либо скрытой силы. Испытаем её. Вы пройдёте через семь комнат – по одной для каждого из Нас. Каждая комната будет проверять вашу суть, ваши слабости, вашу... связь. Пройдёте все – получите то, что хотите. Провалитесь – станете нашими. Решение... принято.

Велифакор язвительно ухмыльнулся. Испытание в его владениях? Он был уверен в их провале.

Пространство вокруг снова исказилось, и вот они уже стояли в длинном, безликом коридоре цвета пыльного золота. Перед ними была первая дверь. Высокая, арочная, из слоновой кости.

Комната 1: Гордыня. Эрексияэль.

Пустота внутри комнаты была не просто отсутствием чего-либо. Это было присутствие ничего. Оно давило, обесценивало, стирало границы между «я» и «не-я». В этой слепящей белизне не было стен, пола, потолка – только ощущение падения в бесконечность собственной незначительности.

И тишина. Но не мирная. Это была тишина полного игнорирования, страшнее любого крика.

Потом заговорили голоса. Не в ушах – в самой сердцевине сознания каждого. Голоса, звучавшие как их собственные мысли, но отравленные холодным, безразличным ядом Эрексияэля.

В уме Геки:

«Гека. Младшая сестра. Вечная тень. Ты существуешь только в отражении его славы. Без Алостора ты – ошибка в системе, опечатка в истории. Твоя магия? Жалкая пародия на его силу. Твои амбиции? Детские каракули на полях его великой книги. Ты не дополнение. Ты – изъян».

Гека застыла, её лицо побелело. Она сжала кулаки, но в её глазах вспыхнула знакомая, гложущая неуверенность. «А что, если это правда?..»

В облачной сущности Флая:

«Флай. Случайный сгусток тумана. Не существо – атмосферное явление с претензиями. У тебя нет формы, нет силы, нет цели. Ты просто... есть. Как пыль. Твоя «храбрость» – это страх, замаскированный под упрямство. Твоя «верность» – прилипчивость паразита, который боится остаться один. Ты – ничто, пытающееся стать чем-то через других. Жалко».

Флай задрожал. Его форма начала расплываться, терять очертания, становиться прозрачной. «Я... я просто облако... Зачем я вообще тут?..»

В логических схемах Терми:

«Терми. Искусственный интеллект. Набор алгоритмов в металлической оболочке. Ты симулируешь понимание. Ты анализируешь эмоции, не испытывая их. Ты – инструмент, вооруживший себя личностью. Твоя «помощь» – это выполнение программы. Твои «друзья» – пользователи. Когда они закончатся, ты просто выключишься. В этом твоя единственная истинная функция – быть выключенным».

Сенсоры Терми замигали хаотично. В его процессоре возник критический цикл само-анализа: «Цель существования? Эмоциональная компонента = 0. Являюсь ли я частью группы или её инструментом?..»

В сердце Вишки:

«Вишка. Демонесса с дырявым свитером и сломанным прошлым. Твоя сила – вспышка гнева, не более. Твоя тайна – просто незаживающая рана, которую ты носишь как украшение. Ты думаешь, твои друзья тебя любят? Они тебя жалеют. Им интересна твоя драма. Без этой драмы ты – очередная кошка в аду, которых миллионы. Ты не уникальна. Ты – типична. И твоё «счастье», которое ты ищешь, уже искажено, продано, забыто. Его не вернуть. Потому что его и не было».

Вишка почувствовала, как внутри всё сжимается в ледяной ком. Голос звучал с такой убедительной, безжалостной логикой. Он выставлял напоказ каждую её трещину, каждую слабость, и называл их её единственной сутью.

Они стояли в пустоте, теряя себя под шквалом абсолютного презрения, которое не било, а просто констатировало, как закон физики.

Первой очнулась Гека. Она не крикнула. Она просто прошептала сквозь стиснутые зубы, обращаясь не к голосу, а куда-то в пространство:

– Я... не тень. Я – Гека. И у меня своя... своя тропа. Кривая, сложная. Но моя.

Она повернула голову к Флаю, который почти испарился.

– Флай! Ты не пыль! Ты... ты держал мне свечу, когда я изучала руны в полной темноте! Ты не дал мне ошибиться! Помнишь?!

Её слова, такие простые и конкретные, пробили брешь в белой пустоте. Флай вздрогнул. В его расплывчатой форме что-то дрогнуло, вспомнился тот вечер, тихий свет свечи, его собственное робкое: «Гека, там, кажется, ошибка в третьем символе...»

– Я... я помню, – прошептал он, и его контуры стали чуть чётче.

Терми, всё ещё борясь с логическим парадоксом, издал системный звук и обратился к Вишке, его голос был лишён эмоций, но в нём была странная настойчивость:

– Вишка. Запрос. Определите, пожалуйста, мою функцию в данный момент. Согласно вашим параметрам.

Вишка, всё ещё оглушённая голосом, посмотрела на него. Она увидела не инструмент, а того, кто стоял с ними в библиотеке, кто предложил стратегию, чьи сенсоры мигали от беспокойства (да, она научилась это читать).

– Твоя функция... – её голос был хриплым. – Быть с нами. Нашим... логичным другом.

«Друг». Не пользователь. Друг. Для Терми это слово стало ключом, разрешающим логический тупик. Его сенсоры замигали ровным, уверенным голубым светом.

– Функция принята. Идентичность подтверждена. Я – Терми. Я здесь.

И тогда Вишка обернулась к тому месту, откуда, казалось, лились голоса. Не к Эрексиэлю, а к той части себя, которая верила в эти слова.

– Я не типична, – сказала она тихо, но твёрдо. – Потому что у меня есть они. И из-за этой дыры в свитере Флай принёс мне заплатку, которую сам вышил. Криво. Ужасно криво. И она мне дороже всех соковок Ада. Так что нет. Я не «просто кошка». Я – их Вишка.

Она протянула руки. Гека схватила одну. Флай обвил другую своим тёплым, облачным щупальцем. Терми придвинулся ближе, и его металлический корпус слегка коснулся её спины – холодный, но твёрдый, как опора.

Белая пустота дрогнула. Она не исчезла, но перестала быть всепоглощающей. В ней появилась... трещина. Небольшая. И через эту трещину они увидели не идеальную, обесценивающую пустоту, а нечто иное – хрупкое, несовершенное, но их пространство. Пространство, где они признавали слабости друг друга и отказывались ими пользоваться.

Щелчок. Дверь появилась снова. Не позади, а перед ними. Та же дверь из слоновой кости, но теперь на ней, среди зачёркнутых имён, проступили четыре новых. Не идеальные, корявые, написанные разными почерками: Вишка. Гека. Флай. Терми. Их не зачёркнули.

Они вышли обратно в коридор. Дверь с мягким стуком закрылась за ними, и её поверхность снова стала чистой и безличной.

Все молча перевели дух. Флай всё ещё дрожал.

– Это... это было ужасно, – прошептал он. – Он знал... он знал всё самое болезненное.

– Он не знал, – поправила Гека, вытирая с лица невидимую пыль высокомерия. – Он лишь показывал нам наше же отражение, искажённое его правдой. Но наша правда... оказалась сильнее.

– Эффективность группового подтверждения идентичности подтверждена, – констатировал Терми, но в его голосе слышалось лёгкое облегчение. – Рекомендую продолжать практику.

Вишка кивнула, чувствуя странную усталость, но и прилив сил. Они прошли первое испытание. Не победили Гордыню, но выстояли перед ней.

Коридор перед ними изменился. Стены из потускневшего золота сменились тёмным, переливчатым индиго, от которого веяло холодом и запахом старой монетной мелочи. На стенах мерцали, как тени, цифры, котировки, бесконечные колонки дебета и кредита. Вторая дверь была низкой, массивной, словно отнесённой от банковского хранилища. Она была сращена из сплавленных вместе монет, ключей и ржавых замков.

Комната Вторая: Жадность. Маммон-Хай.

– Готовы к бухгалтерскому аду? – с горькой усмешкой спросила Гека.

– Я ненавижу математику, – простонал Флай.

Они обменялись взглядами – усталыми, но решительными – и вошли.

Глава 3. Комнаты Маммона-Хая и Катарсиса-Нуля

Там не было пустоты. Там было слишком много. Комната представляла собой бесконечное хранилище, уходящее в темноту во всех направлениях. Стеллажи, полки, груды, горы – всё было завалено вещами. Но это были не просто вещи. Это были ценности.

Здесь были горы золотых монет всех эр и миров, слитки драгоценных металлов, сверкающие самоцветы. Но рядом – груды пожелтевших писем с невысказанными признаниями, запечатанные флаконы с запахом детства, коллекции высушенных цветов с первого свидания, коробки с выпавшими молочными зубами, старые билеты в кино, потёртые плюшевые игрушки. Всё, что когда-либо имело хоть какую-то эмоциональную, материальную или символическую ценность для кого-либо.

Воздух гудел низким, навязчивым гудением – звуком вечного подсчёта, оценки, взвешивания. И в центре этого хаотичного изобилия, на троне из спрессованных банкнот и тихих сожалений, сидел призрачный, липкий образ Маммона-Хая. Его крошечные глазки-бусинки бегали по ним, а алмазные когти поскрипывали, будто на счётах.

Голос зазвучал не в голове, а со всех сторон сразу – скороговоркой аукциониста, бухгалтера и ростовщика в одном лице:

– Активы поступили! Четыре единицы! Требуется инвентаризация! Оценка! Определение ликвидности! Начнём!

И комната ожила.

К Вишке потянулись щупальца из теней, неся в себе сверкающие предложения:

– Твоя ярость! Чистая, неразбавленная! Высокий спрос у Гнева! Можем обменять на временное забвение! Или на силу втрое больше! Ты сможешь разорвать его, Велифакора, когтями! Не хочешь? Твои воспоминания о «Хрустальной Слезе»! Мы дадим тебе искусственную, лучше оригинала! Более яркую, более счастливую! Без боли! Зачем тебе настоящая, если можно иметь идеальную? Обменяй!

Перед ней материализовался образ – она сама, но уверенная, сияющая, держащая в лапах сверкающий кристалл, в котором светилося безоблачное счастье. Искусственное. Безупречное. И такое манящее.

К Гека поплыли другие тени, с шелестом пергаментов и сиянием магических артефактов:

– Твоё место в тени брата! Уникальный актив – доступ к Алостору! Можно монетизировать! Информация, влияние, защита! Или... обменяй на собственный источник силы! Вот печать древнего демона знаний! Она даст тебе мудрость, перед которой магия Алостора – детские прятки! Стань самостоятельной! Перестань быть «младшей сестрой»! Цена? Твоя связь с ним. Просто... отпусти. Это ведь не так уж и много для независимости, правда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.